

Глава 1

Где подписать? Здесь и... Да, и здесь. Сумму указываем прописью... Да, я понимаю... Тысяч... Рублей... Роспись...

Он с облегчением отложил ручку и выпрямился. В кабинете нотариуса было невыносимо душно, да еще пришлось целый час дожидаться своей очереди в коридоре — оформляли другую сделку и возникли какие-то сложности.

«Открыли бы форточку, что ли! — подумал он, следя за тем, как нотариус, пожилая тучная женщина в коричневом старомодном платье — точь-в-точь таком, как носила его бабушка, прошивает листы договора гербовой лентой. — Дышать нечем! Ну, ничего, сейчас выйдем на воздух. Где-то возле станции я заметил трактир. Съедем с Людой по пицце, выпьем пива, обмоем сделку. Черт, а я ведь переволновался — даже руки трясутся. Меня могли принять за алкоголика!»

Он обернулся — подруга сидела в углу, на краешке стула, спокойно сложив руки на коленях. Казалось, сделка вовсе не волновала Люду — до того отрешенным и непроницаемым было ее узкое лицо. Бледна — но как всегда. И, как всегда, гладко зачесаны и сплетены на затылке в короткую косу светлые волосы. Взгляд голубых глаз прозрачен и вместе с тем — совершенно непроницаем. Дмитрий поежился. Ее глаза всегда казались ему зеркалами, которые сами по себе ничего не выражают — лишь отражают тех, кто смотрит в них. «У нее вообще нервы

есть? Мы отдаем последние деньги на авантюру... Если дело не выгорит — что с нами будет? Я продал московскую квартиру, она — свою дачу. Все для того, чтобы собрать деньги на эту сделку! Причем мы же не в браке, сделка — на меня, стало быть, если мы расстанемся — кому она докажет, что вложила деньги? И как? И вот — глазом не моргнула, отдала мне толстенькую пачку. Только одно попросила — прийти на сделку вместе. Иногда я совсем перестаю ее понимать! Неужели она мне так верит? Или... Так любит? Безумный поступок!»

Следующие два часа прошли, как в полусне. Девушка из агентства, через которое они проводили сделку, взяла у нотариуса договор, вывела клиентов из конторы и усадила в свою машину. В агентстве произвели окончательный расчет. Продавец дома — хмурый, неотесанный мужичонка с испитым лицом — получил деньги. Напоследок он пробурчал что-то насчет крыс, которых в подполе развелось видимо-невидимо. Дмитрий содрогнулся (время от времени ему казалось, что хозяин дома тихо бредит) и взял договор, который тут же отдал агентше — для оформления в регистрационной палате. Люда молча держалась на заднем плане, но не отходила ни на шаг. И это его успокаивало, как успокаивал всегда ее холодный, ясный, беспретный взгляд. Казалось, в этом мире не было ничего, что могло бы ее встревожить. Разорвись у нее над ухом петарда — она не сморгнет, только чуть сдвинет русые брови и слегка подожмет губы — непорядок, мол. Именно поэтому они и стали жить вместе — его-то тревожило многое, Дмитрий с детства был нервен и легко возбудим, а Люда всегда оставалась невозмутимой и могла успокоить своего друга, не произнеся ни единого слова.

В трактории было шумно и людно. Навесной экран в полстены транслировал футбольный матч, но комментатора заглушал гомон полусотни голосов. Здесь отдыхала

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

одна молодежь, все перекрикивались, переговаривались, и Диме сразу стало ясно — в этом маленьком подмосковном городке трактория считается чем-то вроде местного клуба. Между столиков стлался сигаретный дым, с запотевших бокалов лилась пышная пивная пена. Такие забегаловки он терпеть не мог. Ему были по душе места тихие, немногочленные и желательны уже знакомые. Все новое, неизвестное пугало Диму, и он в сотый раз спросил себя, как мог пойти на поводу у подруги и согласиться... Сегодня слишком многое было для него новым. Почти все — включая тракторию у маленького вокзала в подмосковном городке, где он до недавнего времени никогда не был.

— Шумно. — Он обернулся к Люде. — Но другого кафе я что-то не приметил.

— Нам-то какое дело? Они шумят, а ты не слушай. — Она оглядела полный зал. — Я бы выпила пива. Устала.

— А я бы съел чего-нибудь, — признался Дима. — Сама знаешь — так волновался, что двое суток куска в рот не брал.

— Стоило переживать... — чуть улыбнулась она. — А, вот, нас сейчас посадят.

И в самом деле, худенькая официантка устроила их за столик, и даже очень удобный — в деревянной решетчатой кабинке, увитой искусственным плющом. Здесь было хоть какое-то подобие уединения, о котором мечтал парень. Дима наугад заказал пиццу и два темных чешских пива. Когда официантка удалилась, оба несколько минут молчали. Дима прикрыл глаза. Веки горели и слезились — за последние дни он лишился не только аппетита, но и сна.

— Я не думала, что ты такой нервный, — услышал он ее голос. Чиркнула зажигалка. Он приподнял воспаленные веки и взглянул на Люду. Та сидела напротив, небрежно облокотясь о столешницу и вертя в пальцах сигарету. — А ведь знаю тебя три года. Нет, я кое-что замечала, ты

многое принимаешь слишком близко к сердцу... Но сегодня я впервые подумала, что тебе нужно принимать успокоительное.

— Неужели мы вместе три года? — Он расслышал лишь кусок фразы. Мотнул головой, растер лицо ладонями и окончательно пришел в себя. — Я не считал.

— Я считала. Мне было двадцать пять, а тебе двадцать семь, когда мы встретились. Еще помню, как радовалась мама — она все время говорила, что в моем возрасте давно пора быть замужем. Она ведь вообще считает, что я все делаю с опозданием.

Люда еле заметно, иронично усмехнулась. К столику подошла официантка с подносом.

— Ну, маму вспомнила... — Дима торопливо высвободил завернутые в салфетку вилку и нож и набросился на принесенную пиццу, разрывая спекшиеся с ветчиной овощи и клейкий растопленный сыр. — Хочешь кусочек?

Люда отрицательно качнула головой и придвинула к себе пепельницу. Она, как всегда, не курила в прямом понимании этого слова — просто держала между сомкнутых пальцев слабо тлеющую сигарету. Это была ее обычная манера, которая сперва удивляла, а потом стала раздражать сожителя. «Зачем ты это делаешь? — выговаривал он. — Только деньги переводишь да воздух отравляешь!» Люда пожимала плечами и продолжала поступать по-своему. Затягивалась всего раз — когда закуривала, а когда сигарета потухала, попросту давила ее в пепельнице.

— Вкусно? — спросила она, глядя, как Дима управляется с пиццей.

Тот невнятно, с набитым ртом ответил:

— Разогретая резина!

— Так зачем ешь? Чтобы уплаченные деньги зря не пропадали? Учти — одна моя соседка-старушка отправилась таким манером на тот свет — принимала про-

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

сроченные таблетки. И это притом, что у нее были свежие! Тот же принцип — жалко, добро пропадает... Не отравишься?

— Я сейчас что угодно съем! — Он наконец одолел последний кусок и вытер губы салфеткой. — Люд, скажи как на духу — мы с тобой не натворили глупостей? Целый месяц себя об этом спрашиваю, с тех пор как связался с этой покупкой! Ну я — ладно. Выписался к родителям, квартиры хоть и лишился, но сделка-то на меня. В любом случае у меня останется этот дом. А ты? Продала дачу, деньги отдала мне, в браке мы не состоим, расписки ты с меня не брала... И если что не сложится — получается, у тебя ничего нет!

— Почему? — Она потушила сигарету и взглянула на Диму ясным холодным взглядом. — У меня есть ты.

Подобное она произносила впервые. За три года сожителства он не слышал от нее ничего похожего на объяснение в любви. Удивительно, но девушка спокойно обошлась без этой формальности, которую многие соблюдают из простой вежливости или чтобы сделать приятное партнеру. Дима оторопел.

— Мы же вместе? — уточнила она, не сводя с него глаз. — Не комкай салфетку, она уже ни на что не похожа. Так мы вместе?

Он отшвырнул замасленную льняную салфетку:

— Как ты можешь спрашивать... Конечно! — Он торопливо отпил пива. — И между прочим, вспомни — я предлагал тебе как-то выйти за меня. Ты отказала.

— Я хотела подумать. — Теперь она едва заметно заулыбалась. Улыбка очень скрашивала ее бледное, всегда замкнутое лицо, почти лишенное мимики. Из-за этой улыбки Дима когда-то и решил познакомиться с нею поближе. Это было на вечеринке, у друзей. Три года вместе? Да, действительно. Срок немалый, и ведь он не шутил, когда заговорил о браке... Почему ничего не вышло?

— Никогда тебя не понимал. — Он раздраженно разогнал висевший перед лицом табачный дым. — Никуда не торопишься, ни о чем не волнуешься! Статуя какая-то! Твоя мама в чем-то права!

— А ты меня не понимай. Ты меня просто люби, — спокойно ответила та. — И насчет дома тоже не переживай. Я уверена — мы его купили не зря. То есть — ты купил. Видишь, как я тебе доверяю?

Ее тонкие прохладные пальцы обвили его горячую руку, слегка погладили, сжались. Она улыбнулась искренне и открыто. Дима невольно ответил улыбкой.

— Так ты что теперь — решила выйти за меня?

— Нет. — Она продолжала улыбаться, но руку отняла. — Мне всего двадцать восемь лет. Куда торопиться? Разве что на электричку. От Александра до Москвы путь неблизкий. Надеюсь немножко вздремнуть, да и тебе советую. У тебя совсем красные глаза.

Она знаком подозвала официантку, взглянула на счет и протянула его Диме. Тот расплатился, путаясь и нервно отсчитывая купюры. «Она просто издевается! Просто издевается! Я давно уже не собираюсь на ней жениться, спросил так, из вежливости, а она еще шутит... А что, если бы согласилась? Если бы... Я бы женился?» Он взглянул на Люду. Та надевала легкое весеннее пальто, повязывала шарфик. Смотрелась в зеркальце пудреницы и улыбалась — сама себе. И глядя на нее — такую знакомую, свою, родную, Дима в который раз ощутил ее своей женой. Регистрация брака, венчание — он не отказал бы Люде ни в чем, и прежде всего потому, что это совершенно ничего не изменило бы в их отношениях. Точнее — он согласился бы жениться именно затем, чтобы ничего не менялось. Его устраивало все. Но Люда не торопилась — вот в чем дело...

— Едем, — сказала она, застегивая сумку. — Сам подумай, когда мы попадем домой!

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

* * *

Домом они называли квартиру, которая, в сущности, им не принадлежала. Подруга Люды, уехавшая вместе с филиалом своей фирмы в Германию, пустила их пожить. Бесплатно — они только оплачивали счета за свет, газ и коммунальные услуги. Деньги подруге были не важны, куда важнее то, что она могла не беспокоиться за имущество. Здесь они и жили уже три года.

Дима иногда спрашивал себя — отчего в его жизни последнее время все шло только так, как хотела Люда? Причем некоторые решения принимались вопреки здравому смыслу. У него ведь была своя квартира — когда они сошлись, вполне могли устроиться там. Люда тогда жила с матерью, так что пригласить его к себе не могла, да он и не согласился бы жить рядом с чужой женщиной, которую даже не мог назвать тещей. Зато он-то жил один, так почему... Все произошло как-то спонтанно, почти по-военному слаженно и быстро. Он часто вспоминал их первую ночь, в которую все решилось. Они с Людой были в театре, смотрели «Трехгрошовую оперу». После зашли в кафе неподалеку, выпили шампанского, съели по куску торта, обсудили пьесу. Разговор получался скорее дружеским, чем интимным, и это сбивало Диму с толку. Он давно понял, что хочет эту девушку, более того — не сомневался, что сближение состоится... Но когда? Как он мог намекнуть на это, тем более — сказать прямо? И что дальше? Ее возмущение, удивление или, еще хуже — насмешка? Этот спокойный, излишне спокойный взгляд ее голубых глаз? Дружеский ровный тон? Слишком дружеский, по его мнению. Ее рациональность, расчетливость, холодность? Его возбуждала и притягивала эта девушка, но в последний момент он всегда замирал от странного ощущения — будто собирався ступить на тонкий лед посреди глубокого озера.

Выдержит лед или нет? Ему и хотелось этого, и в то же время было жутковато.

Первый шаг сделала она (теперь Дима понимал, что только так и могло быть). Допив шампанское, Люда с улыбкой взглянула на часы и заметила, что дело идет к полуночи.

— А ехать далеко. — Она оправила манжету нарядной блузки, прикрывая часы. В тот вечер она выглядела довольно чопорно — узкая длинная юбка, стоячий воротничок с кружевной оборкой, гладкая прическа. Все это ей очень шло. — Жаль, что ты не за рулем.

— На права-то я давно сдал, — смутился Дима. — Но этого мало — водить пока не умею. Приятель обещал научить, но у нас по времени не складывается. Все забыл, что выучил, но, между прочим, на площадке у меня получалось. Давай я возьму тебе такси, провожу, и...

— Можно сделать проще. — Люда заглянула в сумку и достала три ключа на брелоке. — Моя подруга уехала в Германию, попросила приглядывать за ее квартирой. А если я захочу, то могу и жить там. Иногда так и делаю — когда хочется одиночества.

Она со странной улыбкой взглянула на ключи и спрятала их. Зажгла сигарету, затянулась один раз и, как всегда, оставила ее тлеть между пальцев. Уже тогда его раздражала эта манера — странная, нигде прежде не виданная.

— Квартира рядом, отсюда минут десять пешком, — продолжала Люда. — Честно говоря, я и выбрала этот театр, потому что могу переночевать там.

Дима был слегка уязвлен этим замечанием. Накануне, по телефону уславливаясь о встрече, он предлагал несколько пьес на выбор — от безмозглых до легких и вплоть до совсем серьезных. К его радости, Люда согласилась на «Трехгрошовую оперу» в Театре сатиры... Но ему и в голову не приходило, что ею двигали такие меркантильные соображения. Шампанское потеряло вкус и неприятно

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

защищало язык. Значит, ей просто было удобно добираться до места ночлега. А пьеса? Безразлична? А он сам, в конце концов?

— Я тебя провожу, — повторил он упавшим голосом. — Не хочешь выпить кофе?

Она встала, набросила на плечо ремешок крохотной театральной сумочки:

— Кофе можно выпить и у меня. Я приглашаю.

Фраза была банальной, даже до пошлости, но Дима все равно взволновался. От любой другой девушки он принял бы это приглашение как недвусмысленный аванс. Ему давно было известно, что от чашки кофе до постели — один шаг. Иногда обходилось даже и без чашки. Но Люда была особенной, и он был вовсе не уверен — не ограничится ли дело чашкой кофе в самом деле?

И был не уверен в этом до последнего глотка. Кофе Люда сварила отличный — не в кофеварке, а в медной турке, как он любил, как варила его мать. Сидели в просторной кухне, на мягких красных пуфиках — весь интерьер был выдержан в красных тонах. Преобладали они и в квартире — он успел оглядеться, пока Люда возилась у плиты. «Ее подруга вложила сюда большие деньги. — Дима придирчиво осматривал мебель, аппаратуру, оценивал качество ремонта. — В такой квартире жить бы и жить, а не то — продать и устроиться где-нибудь за границей, хоть в Испании... Кем работает ее подруга? Сама Люда секретарь — всего-то...»

Подруга работала в той же строительной фирме, что и Люда — это немедленно выяснилось за кофе.

— Конечно, она не секретарь, да и зарабатывает — не сравнить со мной, но мы друг друга знаем сто лет и дружим. Начинали работать вместе, но она рванула наверх, а я никуда не спешила. Мама топала ногами, когда Марфа получила повышение, кричала, что меня оттирают, что я неудачница, а я радовалась, что ей повезло, — дове-

рительно рассказывала девушка. — Есть люди, которым просто необходим карьерный рост — иначе они начинают болеть, а то и умирают. Она еще в школе стремилась выделиться, быть лучше всех. Шла на золотую медаль, и когда ее не получила — сорвалось из-за одной училки-стервы, поставила та ей четверку, — слегла на месяц в больницу. Ей чуть не поставили диагноз — рак крови, представляешь, какие были анализы? Я ее помню в ту пору — страшна, как смерть, белая, под глазами круги... Вот это я понимаю — жажда победы! Вот это честолюбие! У меня этого нет ни капли. А у Марфы хватит на десяток диктаторов.

— Подружку зовут Марфа? — улыбнулся он, вполуха прислушиваясь к ее болтовне. У него начинали слипаться глаза, и он совершенно не представлял, как быть дальше — уйти с достоинством или все-таки сделать попытку... Не было ничего ужаснее, чем сидеть вот так — в роли навязчивого и несообразительного гостя, которому давно пора и честь знать. — Впервые слышу, чтобы кого-то так звали.

— Еще чашечку? — спросила Люда, давая в пепельнице тлеющую сигарету.

— Нет, спасибо. — Им овладевало странное оцепенение. Казалось, он присутствует на дипломатическом приеме, где за одно лишнее и неуместное слово могут осмеять, и все пропало. Нет, в глаза смеяться не будут, но про себя... Если бы он заметил на губах Люды хоть тень усмешки — он бы вовсе не знал, куда деться. — Мне завтра рано вставать.

— Далеко до работы? — спросила она, убирая посуду.

«Она же просто меня выставляет! Наконец понял, идиот! И на что ты рассчитывал? Ждал, когда тебе дадут пинка под зад?»

— До дома ехать час, а оттуда до работы еще минут сорок...

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Он не договорил — Люда удивленно подняла голову и поставила обратно на стол тихо звякнувшую чашку.

— Я спросила — далеко ли отсюда до работы? Ведь ты остаешься? Я — да. Поздно уже.

Это было никак не похоже на объяснение в любви или на флирт. Девушка ничуть не волновалась, и даже не притворялась смущенной. Будь на ее месте другая, Дима счел бы ее фригидной дурой. Но с Людой все было иначе. Она вела себя так, будто иначе и быть не могло, и все, что она делает, — правильно. Это завораживало. Она считала себя настолько правой и так спокойно держалась этой мысли, что ее начинали держаться и все остальные. И он тоже.

Та ночь окончательно убедила Диму в том, что они созданы друг для друга. Сантиментов не было. Не было и смущения. Не было вообще ничего из тех условностей, которые придумывают для себя мужчина и женщина, впервые ложась в одну постель. Никаких неловких жестов, банальных фраз, поддельных страстей. Она как будто знала все, чего ему хотелось. Была кротка и горяча, покорна и нежна, кстати разговорчива и еще более кстати — молчалива. И вот что странно — в самые пиковые моменты Люда не закрывала глаз, не сводила с него слегка затуманенного взгляда, в отличие от прежних подружек, даже самых раскованных и смелых. Этот взгляд завораживал его, почти пугал и притягивал так сильно, что весь последующий день Дима, не видя возлюбленной, мучился от ощущения, будто что-то потерял.

После нескольких встреч — все на той же квартире — Дима предложил ей переехать к нему. С ним такое было впервые и равнялось предложению руки и сердца. Люда с удивленной улыбкой отказалась.

— Зачем? Ведь есть эта квартира. Тебе и до работы отсюда ближе, чем от своей.